

Журнал "Байкал"

№ 4, 1951

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ж92

Ж92 Журнал "Байкал": № 4, 1951 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 160 с.

ISBN 978-5-458-66329-8

Журнал "Байкал" - литературно-художественный и общественно-политический, выходящий с периодичностью 6 раз в год. На его страницах формировалась бурятская литература. лучшие свои годы «Байкал» слыл одним из популярнейших сибирских журналов и расходил в тридцати с лишним странах дальнего зарубежья от Америки до Австралии и Новой Зеландии.

ISBN 978-5-458-66329-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Мечта о паровозе давно кружила голову подростка. Его не интересовали забавы сверстников. Любовь к машине жила в его сердце.

...Четыре года спустя, он несмело залез на паровоз.

Тебе повезло, Даши. С Красиковым будешь ездить, — говорили друзья. Лучше учителя не найдешь.

Машинист посмотрел на его руки, вручил лопату. Помощник показал, как подхватывать уголь, бросать.

Паровоз тронулся.

Даши со всего размаха бросил лопату угля, но не попал в точку... уголь упал под ноги машиниста.

Он покраснел, ожидая насмешек, но ни машинист, ни помощник не улыбнулись. Даши стало стыдно за оплошку, он начал торопливо кидать уголь в огонь.

Не спеши. Приспособься сначала...

Даши вернулся с рейса усталым. Он сбросил одежду, сунул под умывальник руки и резко отдернул их назад. Кожа на ладони висела лохмотьями, мозоли сочились кровью. Умывшись, он наспех пообедал и сразу заснул.

...Через два года он стал помощником машиниста.

Раньше казалось простым делом качать воду в котёл. Он ещё кочегаром делал это.

— Что там хитрого, — рассуждал он, — поверни рукоятку насоса, толкни ее чуть вверх и вода потечёт в котёл.

— Воды мало, — сказал машинист.

Цыренов глянул на водомерное стекло, торопливо повернул знакомую рукоятку. Пар хлеснул вниз, загудел под машиной.

— Закрой насос, — крикнул Красиков. — Весь пар выпустишь!

Даши хлопнул рукояткой насоса.

Машинист поднялся, рассказал, как нужно действовать.

«Теперь смогу», — решил помощник. Однако, как только он тронул ручку насоса, белая струя пара вырвалась из трубы и заволокла всё туманом. Даши готов был провалиться сквозь землю.

Настойчивость переборола всё. Через пару лет машинисты поперебой приглашали его к себе на паровоз. Но он оставался со своим терпеливым учителем. Теперь он иногда сам управлял машиной.

Парень ты старательный, с душой работаешь, — сказал однажды Красиков. — Не век же тебе ездить в помощники.

Цыренов понял намек Красикова.

Я учусь у вас...

— Я не профессор. Мне самому поучиться не лишне. А тебя рекомендовал на курсы машинистов. В Ангарск поедешь...

...Не легко давалась Цыренову учеба. Русский язык он знал плохо. Если бы не товарищи — не справиться с учебой. Бывало курсанты придут в общежитие после уроков, каждому хочется в клуб сходить, в кино. Но прежде растолкуют ему всё, что оказалось неясным на занятиях.

Когда через год комиссия вручила ему право управления паровозом, начальник школы признался:

— Я думал, что не выйдет у тебя с учёбой. Молодец, настойчиво занимался. — И пожал ему руку. — Так же старайся работать.

Даши посмотрел на своих друзей, ему хотелось сказать:

— Это они молодцы. Без них мне бы не одолеть...

...Цыренов поднялся на кровати, взглянул на часы. Сон окончательно покинул его. Солнечное утро предвещало хороший день. На душе было тоже светло.

В дверь постучались. Даши открыл и отступил назад. Он протянул руку, хотел броситься отцу на шею, но только пожал руку, сдержанно поцеловался.

Отец прошёл на середину комнаты. Ему было лет пятьдесят. Гладко выбритый подбородок и щеки прорезали тонкие морщины.

Глаза светились радостью.

— Сайн байна, — приветствовал он сына. — Как долго спишь. Молодой, а ленивый...

Последние слова были сказаны так, для виду. На самом деле отцу было приятно: сын жил хозяйственно, опрятно.

Пока Даши прибирал комнату и приводил себя в порядок, отец любовался им. Со сна розовые щёки, по-детски припухлые губы. Зубы сверкали в улыбке.

Цырен Очиров — так звали отца — подошёл к висящему на стене большому зеркалу, поправил орден Трудового Красного Знамени, покрутил кончики усов. Потом перевёл взгляд на этажерку, заставленную книгами. Радостное чувство за сына усилилось.

Пока Даши накрывал стол, по общежитию разнеслась весть о приезде старика Очирова. В комнату стали заходить товарищи Даши. Старику было приятно внимание молодежи и он захотел, чтобы сын пригласил всех к столу. Он развязал мешок, достал домашние подарки — ватрушки, сыр и масло, туссок со сметаной, мешочек с кедровыми орехами.

Поклонись друзьям, — сказал он сыну. — У вас не часто бывают гости из далёких улусов. Да и я посмотрю на твоих товарищей.

Обязательно, отец, — успокоил сын, доставая из тумбочки бутылку вина. Он стал неловко открывать бутылку.

«Мало вина пьёт,» решил отец. «Непривычен с бутылкой управляться.» И, улыбнувшись, сказал:

Дай ки сюда. Пожалуй, справлюсь быстрее.

Друзья Даши чинно рассаживались за столом.

Когда выпили и закусили, молодёжь стала просить Очирова рассказать про колхоз. Большинство из них — недавние колхозники.

Гостя не пришлось долго упрашивать. Он откинулся на стуле, разглядев редкие усы.

Скажу издалека, — медленно заговорил он, подбирая русские слова... — На крутом берегу Темника, у самой тайги стоит серый дом. Лет ему шибко много. При царе Николке все люди кланялись этому дому. Самая главная власть в нём была атаман Архипка Викулин. Дед Очир не успел снять шапку, Архипка — хлоп нагайкой по лицу. Дед и сейчас без глаза. А жаловаться некому было. Потому что все были за атамана. Помощниками были у него Лыксык Занданов, Жамбал Гунзенов. Они — как земля и луна неразлучны.

Очиров тяжело вздохнул, выпил стакан чаю.

— Богат был бессердечный Лыксык. За долги отбирал всё. Так у него росло богатство. Мы тоже были его должниками. Как-то съехала твоя мать, Даши, мимо его дома, Лыксык тянул тарасун, смотрел в окно. Он позвал мать, заставил слезть с коня:

Этот конь мой теперь... Вы в срок не уплатили долг! и унес коня во двор. Наши просьбы не тронули его сердца.

Очиров разволновался. Набил трубку, придавил табак пальцем. Раскурил, причмокивая. Захлопнул серебряную крышечку, выдохнул клуб дыма.

Грамотный был только один бурят — лама Радна. Про фамилию не знали мы. И слова такого у нас не было. Клуб радио, школа... — и этих слов не знали.

Парни смотрели на рассказчика. Даши комкал уголок скатерти. Отец сосал трубку.

Как Синее озеро отличается от болота, так непохожа современная жизнь на старую. Приметами дороги стали служить не дым юрт и кривые крыши дацанов. Теперь мы ищем путь по сигнальным башням, радиомачтам, выходим из тайги на суа тракторы. Теперь бывшего атамановского дома не сторо-

нятся. Тут сомонный Совет помещается, красный флаг колышется.

Очиров произносил все эти слова особым тоном: мол, знай наших.

— Скажем, у нас в улусе. Школа-семилетка, колхозный клуб, библиотека. Недавно слушали про вашу работу. По радио говорили. Жаль, что вы наших известий не можете слышать. Радист наш каждый вечер передаёт. Перед моим отъездом сюда к нам в колхоз приехали артисты. Спектакли давать будут... Два миллиона дохода имеем каждый год...

Старик расправил плечи. — От нас вышла два летчика, врач, четыре учителя, один даже астрономом стал.

Рассказчик гордился.

— Гараж для автомобилей недавно построили, а он уже тесен стал. Осенью десять дней на трёх машинах зерно колхозникам развозили. К некоторым пришлось по два раза ездить.

Очиров умолк и посмотрел, какой эффект произвёл рассказ на железнодорожников, раскурил потухшую трубку.

Даши налил вина.

— А себе? — спросил отец.

— Нельзя мне. В поездку скоро.

— В ваши годы, — говорил Цырен, — я пуга не видел.

А Даши машинистом стал...

Он задумался. Помолчав, сказал:

— Большие пути открыли Ленин и Сталин народу. К счастливой жизни привели.

Все чокнулись, выпили до дна.

— Хорошее дело всегда подсказано бывает счастьем, — молвил Очиров.

— Даши, ты расскажи отцу о первой поездке, — попросил кто-то — И нам наука будет

Даши смутился и начал сбивчивый рассказ о первом самостоятельном рейсе. Постепенно он увлекся, словно вновь переживал поездку. Очиров с гордостью смотрел на сына. Слушал рассказ...

...Даши тогда вызвали в поездку. Путь до депо показался удивительно коротким, будто он пролетел его на крыльях. С удивлением сердца получил маршрут. Первый самостоятельный рейс...

Вот и паровоз. Он сегодня кажется особенно красивым, сильным. Даши принял поездные документы. Кондуктор за-

свистел. Машинист вздрогнул, подтянулся, будто перед экзаменом.

Он уже несколько лет ездил на паровозе. Случалось управлять машиной. Но в этот день он несмело взялся за рукоятку сигнала. Преодолевая робость, дал оглушительный, надрывный гудок на всю станцию, словно подбадривая себя. Поправил сбившуюся на затылок шапку, тронул рычаги управления.

Сопровождавший его в первый рейс старший машинист дядя Семен Дементьевич Красилов дружески хлопнул по плечу, сказал:

Счастливого пути, на всю жизнь!

Вспотевшей рукой сдвинул Цыренов реверс, открыл регулятор пара. Паровоз вздрогнул, задвигались стальные части. Встрепенулось пламя в топке. Машина тронулась, потянула гружёные вагоны.

Даши вопросительно посмотрел на Красикова. Тот удовлетворенно кашлянул.

Бояться вроде и нечего бы. Крупицы опыта, навыки, дающиеся годами, собирались давно и их накопилось не мало. Волновало, что теперь он самостоятельно управляет локомотивом.

Паровоз набирал скорость. Огни города уплывали назад. Они похожи на колеблющееся пламя свечей.

Жёлтые и белые огни стрелочных фонарей путливо мигали, точно сторонясь паровоза. Вскоре светлячки огней потухли, и паровоз охватила тёплая и мягкая темнота.

Механизмы действовали чётко. Волнение уменьшилось, но на душе всё же было беспокойно. Впереди сложный участок — Хвойный перевал.

Одну за другой миновали станции. Приветливо мигали зелёные огни семафоров. «Хорошо готовит путь диспетчер» — подумал Даши. Но это не принесло успокоения.

Подъезжая к станции Хвойная, Даши вспомнил разговор старых паровозников о том, что способности машиниста проверяются при подъеме и спуске на перевале. Тревога вновь охватила Цыренова.

Останавливая паровоз для набора воды, Даши мысленно был на перевале, перебирал в памяти все приёмы, которыми учили его преодолевать сложный профиль пути.

«Идёт Вера или нет?» — подумал Даши о девушке-веселщице этой станции.

Хорошо! — закричал кочегар, когда паровоз подошёл под водонаборную колонку. Цыренов затормозил. Кочегар поднял рукав и сбегал к вентилю.

Осматривали и смазывали машину. Красиков куда-то отлучился. Только управились с проверкой, пришёл подталкивающий паровоз.

— Ни пуха, ни пера — крикнула из темноты весовщица, — только спокойно, мальчики...

Это рассмешило бригаду. Самому молодому «мальчику» было двадцать два, а помощник годился весовщице в дедушки.

Торопливо подошёл Красиков. Капельки пота выступили на остром носу. Отдышавшись, сказал:

— Предупредил «толкача». Пусть знает, что состав ведет молодой машинист. — Потом, засовестившись своей тревоги, прибавил:

— Не останавливаться! Будет тащить назад — цепляйся.

Цыренов слышал взволнованное дыхание Веры.

Подошёл кондуктор.

Семен Дементьевич поднялся первым и уже в будке заключил:

— А в общем — смелого пуля боится, умного трудный путь не страшит...

— Поехали! — крикнул снизу кондуктор и дал свисток.

Даши Цыренов выглянул в окно. Кондуктор уходил, размахивая светящимся фонарём. Вера стояла около паровоза. Тоненькая её фигурка отчетливо вырисовывалась в электрическом свете. Запрокинув голову, девушка смотрела на машиниста. Потом подняла руку, приветливо помахала.

— Счастливо перевалить! — донеслось до Даши.

...Начался путь по перевалу. Чем дальше взбирались на крутой подъём, тем тяжелее двигался паровоз.

Казалось, он вот-вот остановится. Состав словно наливался свинцом. Колёса едва вращались. Можно было сосчитать спицы. Скаты паровоза, не выдержав нагрузки, завертелись на одном месте. В небо взметнулся столб дыма, пара и искр. В горах заухало эхо.

Цыренову казалось, что не машина, а он сам надсадно дышит. «Вот так счастливый путь...». Так и подмывало спросить Красикова: «Как быть дальше?» Цыренов дал сигнал «толкачу»:

— Жми сильнее!

Теперь главное — умело давать песок под колёса паровоза: увеличить трение...

Поезд метр за метром шёл на вершину перевала. Действия машиниста стали увереннее.

Из-за перевала показалась крыша водокачки, вершины тополей, силуэты зданий... Эта была станция Жига. Толкач отстал.

Теперь под порку. Перестук колёс участился. Состав словно обдернулся, колеса переговаривались.

«Да так»,
«Да так так»,
«да так, так, так»,
«та, та, та, та»...

Цыренов вытер лицо, вздохнул и с жадностью припал к чайнику.

Поезд убыстрял бег. Километровые столбы, выхваченные светом прожекторов из темноты, мелькали один за другим.

Паровоз встряхивало. Эшелон то замедлял, то ускорял бег.

Когда спустились, Красиков сказал помощнику машиниста про Даши.

Смыкалистый паренёк, толк будет!

Цыренов не слышал. Он испытывал ощущение счастья — машина покорила его.

Июль синих гор поднималась утренняя заря. Горы, обширные поля колхозов, заросли кустарников — всё покрыто зеленью. Пышная черёмуха роняла на землю чистые капли росы...

Очиров влюблёнными глазами смотрел на сына, старался не пропустить ни слова. Сын казался теперь шире в плечах, рослее, серьёзнее своих двадцати лет.

Телефонный звонок нарушил тишину.

Даши вышел в коридор. Оттуда донесся его голос.

В рейс? Конечно, готов. Сейчас буду.

Друзья, пожелав счастливой поездки, ушли. В комнате остались отец и сын.

И поговорить как следует не пришлось, сын, — грустно сказал Цырен Очирович. — Матери что передать-то?

А может быть, дождёшься моего возвращения? — спросил Даши, подсаживаясь на уголок стула к отцу. — Меньше чем через полсутки вернусь...

Нет, Даши, ночью уеду. В колхозе страда. Уборочная в разгаре. Недосуг. Там каждая пара рук нужна. Посмотрел на тебя, матери расскажу — и на том спасибо.

Это так, отец. Везде великая страда. Подумать только, какие гидростанции и каналы строим! У нас соревнование во что идет! Каждому хочется больше перевезти для строек коммунизма

— Кто же у вас победителем выходит?
— Коммунисты, — признался Даши.
— Это ничего. «Если отстал — догоняй, если упал — поднимайся!» — говорят в народе, Даши, — наставлял Цырен Очирович сына. — А ты не отставай от коммунистов. Сталь выдерживает, большевики побеждают. В коллективе крепко держись. Помни: силу имеет и один человек, непобедимость — в народе.

Даши надел спецовку. В железный сундучок положил хлеба, колбасы, ватрушек, что отец привёз.

— Тяжеловесные поезда начинаю водить, — сказал Даши.
— Трудное это дело. Кое-кто немного суперечит. А я чувствую, что это можно и нужно делать.

— Драгоценный камень со временем приобретает блеск, человек в борьбе с трудностями приобретает силу, — поговоркой ответил Цырен Очирович.

— Мать поцелуй за меня, — сказал на прощанье Даши.

Очиров проводил сына за ворота и долго смотрел вслед. Даши оглянулся и помахал рукой.

«Сын стал мужчиной. Довели мы его руки до седла, ноги до стремени», — удовлетворённо подумал Цырен Очирович.

2.

После гудка электросварщик Медведков зашёл в кабинет главного механика паровозного депо Макирова. Там был и партгруппорг хозяйственного цеха Лопатин.

— С чем пожаловали, Аркадий Сергеевич? — спросил Макаров. Он пристально посмотрел на Медведкова и легонько прикрыл рот ладонью, делая вид, что ему очень хочется зенуть.

— Сегодня смотрел, как работает Яркин, ... немного волнуясь, начал Медведков.

— Его выработке позавидовали.

Лопатин поморщился, сурово посмотрел на Макарова из-под седых бровей.

— Зачем же? Я не про то, спутался Медведков. — Он зря время теряет на переходы. А вот заменяет электроды — здорово. Просто митом...

Лопатин внимательно вслушался, подвинулся к Аркадию Сергеевичу. А тот встал, собираясь уходить.

— Постой, Аркадий Сергеевич, — сказал Лопатин, видя, что сварщик взялся за шапку. — Смелее выкладывай, что у тебя...

— Такое должно быть есть у слесарей и токарей. У всех дело идет по разному, — путаясь и сердясь, объяснял

Медведков. Надо изучить стахановскую работу и других обучить...

Электросварщик замолчал, рукавом смахнул пот.

Как обычно, стремительно, не постучавшись, в кабинет зашёл Тарасов. Кренко пожал руку Медведкову. Сел на стул рядом с креслом механика.

Садитесь, садитесь, товарищи, — сказал он Лопатину, Макарову и Медведкову.

Что испотел? Небось, нагоняй дают? — спросил он электросварщика.

Нет. Разговаривали про то, что не все стахановцы одинаковы, — заговорил Медведков. — Отобрать бы у каж- дого лучшее...

А потом этому наилучшему стахановскому методу обучить всех рабочих этой специальности. Так я тебя понял, Аркадий Сергеевич? — спросил Тарасов.

Так...

Пожалуй, стоящее предложение, — стараясь говорить как можно степеннее, произнёс Макаров...

Тарасов, обернувшись к Лопатину, продолжил: — Обсудите предложение на партийной группе. Пригласите беспартийных инженеров, техников, стахановцев. Без них дело не сдвинешь с места. Надо обобщить опыт работы новаторов. Требуется под стахановскую практику подвести научную базу. А учёным кое-что пересмотреть в своих теориях о производстве. Видите, рядовые рабочие это понимают...

Взглянув на постное лицо механика, Тарасов неожиданно спросил:

- Вам сколько лет?

Двадцать четыре, — вставая, неуверенно ответил Макаров.

Десятилетка — институт — главный механик?

Да.

Так вот, хорошенько запомните, что перед вами наглядный пример стирания грани между умственным трудом и физическим, — веско проговорил Тарасов. — А вас это точно и не задевает. Нельзя так легко относиться к предложениям рабочих...

Медведков смущённо переступал с ноги на ногу. Тарасов отставил в сторону стул. — Как семья, товарищ Медведков?

Ничего. Все в порядке, товарищ начальник. Живём по маленьку.

Они вышли вместе. На прощанье Медведков долго тряс руку начальнику политотдела.

Тарасов подозвал Лопатина, сказал, указывая на кабинет механика:

— Присмотритесь. Мне давно кажется, что он страдает напыщенностью. Это от малого опыта и большого самолюбия...

— И я так думаю, Петр Михайлович.

— Выбери время да потолкуй с ним по душам. Он ведь из рабочей семьи. Говорят, родить трудно, а научить добру ещё труднее...

— Хорошо, товарищ начальник политотдела, сделаю.

— Да не откладывай...

Тарасов пожал руку Лопатину.

— Секретаря партбюро не видел?

— Из цеха подъёмки звонил.

Из-за корпуса депо выходил паровоз. Оглушительно свистя, он прошёл, разлучив Лопатина с Тарасовым. Медведков перешёл путь. Рыжебородый сторож переезда помахал ему рукой.

— Отработался? — спросил он сварщика. — Что-то звезда не загорается? Аль осрамились сегодня?

Медведков оглянулся. Над высокой трубой депо красная звезда не горела. Её силуэт резко печатался на голубом небе.

«И гудка не было, — подумал он. — Не выполнили перевозки по плану суток...»

Звезда и гудок — предложение Тарасова. Если весь узел, все службы отделения выполняли суточное задание по перевозкам, то в течение трех минут гудел гудок и над трубой загоралась кумачёвая звезда. Теперь каждый день всё население поселка с нетерпением ждало: загорится или нет, загудит или не загудит... Нередко можно было услышать как вернувшегося с работы спрашивали: «А маяк что не светит?»

**
*

...Пять лет назад инструментальщик Лопатин подал Медведкову щиток и державку для электродов. Тот повертел их в руках, посмотрел через синее окошечко на свет.

— Сойдет, — сказал он. — В случае чего — сам подправлю. Знакомое дело. — И зашагал к поднятому на подставках товарному паровозу.

Инструментальщик изучающим взглядом проводил Медведкова. Брезентовый костюм, пилотка, белая полоска подворотничка на загорелой шее — всё нравилось старику. Приятен был и хозяйственный осмотр инструмента. Лопатин любил следить, как рабочий относится к инструменту. Один бережно примет инструмент, по-хозяйски осмотрит и как боль-